

Гербель Н. В. Русские поэты в биографиях и образцах / Н.В. Гербель. – СПб., 1988.

Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность / Н.В.Гоголь. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1978. – Т.6.

Грот Я. К. Примечания и приложения к "Жизни Державина" / Я.К.Грот // Державин Г.Р. Сочинения. — СПб., 1883.

Державин Г. Р. Сочинения: В 9 т. / Под ред. Я. К. Грота. — СПб., 1864-1883.

Державин Г.Р: История и современность. – Казань: Изд-во КГУ, 1993.

Ходасевич В.Ф. Державин / В.Ф.Ходасевич. – М.: Мысль, 1988.

«Едва увидел я сей свет, / Уже зубами смерть скрежещет...»: тренические мотивы в лирике Г.Р. Державина

М.К.Парамонова

Московский городской педагогический университет

(Москва)

Ключевые слова: Державин, поэтика, произведения на смерть, танатология, ода

Существуют внешние факторы, которые инициируют размышления о смерти и формирование представлений об этом феномене. О. Суворова в статье «Личностное знание о смерти: пути формирования, смысл и значение» пишет, что «такого рода неявные знания оказываются тесно связанными с осознаваемыми содержательными представлениями о смерти. Важным фактором формирования последних можно считать опыт встречи со смертью другого, общение с умирающим» [Суворова 1999: 49]. В художественной литературе размышления о смерти часто были детерминированы субъективными переживаниями автора. Смерть близкого человека, родственника, уважаемой персоны могла вызвать не только элегические чувства, но и философские размышления.

В лирике XVIII века, жанрами, посвященными кончине кого-либо, являлись элегия на смерть и ода. Факт смерти становился сюжетообразующим, служил причиной к созданию литературного произведения и часто осмысливался также.

Элегия на смерть произошла от древних причитаний, но в век Просвещения она стала не только выражением скорби по поводу смерти третьего лица, а еще и поводом подумать о вечности, в ней разрабатывалась «традиционная для европейской надгробной элегии тема нестабильности человеческой славы» [Козлов 2013: 69].

Процесс философского размышления был вызван кончиной близкого человека, а это свидетельствует о большом значении межличностных отношений: «кончина близкого человека представляется более тягостной утратой, нежели собственная смерть» [Гуревич 1992: 15 – 16].

Сам феномен смерти стал центральным в философской лирике Гавриила Романовича Державина (1743 -1816), который облек размышления в жанр оды. Наиболее интересно для тематики данного исследования произведение «На смерть князя Мещерского». При сохранении в нем всех внешних форм оды – посвящение знатному человеку, четырехстопный ямб, строгий, торжественный слог – оно наполнено новым содержанием. Традиционное риторическое размышление о смерти потеряло риторичность и отвлеченность, поэт придал ему исповедальный характер. Поэт отталкивается от собственного восприятия, но затрагивает поистине глобальные философские темы.

Смерть в стихотворении связана непосредственно с течением времени: «Глагол времен! Металла звон!» [Державин 1957: 85] – бой часов наводит поэта на мысли о времени и его быстротечности. Каждая прошедшая секунда приближает человека к гробу с самого рождения.

Державин начинает произведение размышлениями, изложенными от первого лица («зовет меня», «едва увидел я сей свет»), затем расширяет границы до поистине космических масштабов. Всеобщему уничтожению в конечном итоге подвержено абсолютно все, включая Вселенную: «Без жалости все смерть разит: / И звезды ею сокрушатся, / И солнца ею потушатся, / И всем мирам она грозит» [Державин 1957: 85].

В этом описании смерти нет христианского смирения перед концом жизни, описание глобальной всеобщей смерти вызывает ощущение неправильности происходящего, трагичности самого бытия. Поэт сравнивает силу смерти со «злом стихий», перед которым одинаковы монарх, узник, гробницы и слава.

Смерть несправедлива, она вносит в существование человека изначальный дисбаланс: «Приемлем с жизнью смерть свою, / на то, чтоб умереть родимся» [Державин 1957: 85]. Человек – всего лишь хрупкая песчинка перед лицом смерти, его положение в мире лишено устойчивости и мимолетно («скользим мы бездны на краю, / в которую стремглав свалимся» [Державин 1957: 85]). Его жизнь не имеет никакого смысла, как бы она не была прожита, она не спасет человека от неминуемого конца. Он может не думать о своей смерти, хотя это всего лишь иллюзия покоя.

Державин поддерживает представления о разделении человека на тело и душу, принятые в христианстве («здесь персть твоя, а духа нет» [Державин 1957: 86]), но не перенимает идею счастливой загробной жизни, в данном стихотворении он выступает

как агностик, он пишет о духе человека: «Где ж он? – Он там. – Где там? – Не знаем» [Державин 1957: 86].

Сомневаясь в утешительной мысли существования после смерти, поэт переходит к одному из главных философских вопросов: в чем смысл жизни? Державин использует последовательное отрицание: он перечисляет все возможные человеческие ценности («утехи, радость и любовь», здоровье, богатство) и демонстрирует, что все меркнет перед смертью, ничего не может противостоять ей. Обыденные радости и ценности имеют преходящее значение, понимая это, человек перестает стремиться к чему-либо, всю жизнь он «стоит в дверях вечности», по сравнению с которой «все возможные счастья» «премненны и ложны».

Удивительно, что пессимистичный настрой всего стихотворения снижается в финале. Державин заканчивает произведение следующей рекомендацией:

Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою,
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

[Державин 1957: 87]

В ней явно прослеживается традиционная христианская мораль: относись ко всему со смирением, не греши, благословляй все, чтобы не послала судьба, относись к жизни как к небесному дару. Такой житейский совет несколько снижает напряженный пафос стихотворения, но не умаляет его философской глубины.

В XVIII веке господствует вера в гармонию и разумность окружающего мира, проистекающая из идей классицизма и Просвещения. Неизбежность смерти воспринимается на этом фоне еще трагичнее, а ощущение ее неотвратимости усиливается глобальностью восприятия – ей подвержен не только человек, но и планеты, Вселенная. Для светского мыслителя XVIII века мысль о вечной жизни не кажется больше успокоительной, но предаваться исключительно пессимистическим взглядам он тоже не намерен: он находит радость существования в самой жизни, несмотря на ее быстротечность.

Литература

Гуревич А.Я. Предисловие / А.Я. Гуревич. // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: пер. с фр. – М.: «Прогресс-Академия», 1992. – С. 5 – 32.

Державин Г.Р. На смерть князя Мещерского / Г.Р. Державин. // Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. – С. 85 – 87.

Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории / В.И. Козлов. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – с. 280.

Суворова О.С. Личностные знания о смерти: пути формирования, смысл и значение / О.С. Суворова // Идея смерти в российском менталитете. – СПб.: «Изд-во русск. христ. гум. ин-та», 1999. – С. 48 – 63.

**Об одной зоологической эмблеме
в иллюстрациях к анакреонтике Г.Р. Державина**

С.А.Салова

Башкирский государственный университет
(Уфа)

Ключевые слова: анакреонтика, эмблематика, иллюстрации, виньетки, поэтическая семантика

Еще во второй половине 1790-х годов Державин замыслил издание, в котором каждое стихотворение должно было сопровождаться комментариями и обрамляться награвированными по оригинальным рисункам заставками и концовками с соответствующими литературными программами. Реализованная Я.Гротом мечта Державина об иллюстрированном издании своих сочинений создала уникальный прецедент, сразу же привлечший заинтересованное внимание ученых. У истоков обсуждения проблемы взаимосвязи анакреонтики Державина с изобразительным искусством стоял Ф.И.Буслаев, выступивший в 1869 году с первой специальной статьей, посвященной иллюстрациям к державинским стихотворениям. Он не только уверенно констатировал теснейшую взаимосвязь поэтического текста и его изобразительного сопровождения, но признал функциональную значимость заставок и концевых узлов как элементов, способных обогащать и укрупнять содержательную наполненность поэтических образов: «В такой иллюстрации поэт как бы продолжает свою творческую идею, дополняет очерками то, чего не мог выразить словами, собирает в окончательно установившемся определенном образе те улетающие мечты, которые он не успевал схватить столько же летучею и такою же прозрачною формой стиха» [Буслаев 1886: 105 – 106]. Правда, далее Буслаев высказал несколько противоречащую только что процитированному фрагменту мысль об иллюстрации как авторитарном живописном тексте, задающем строго определенный ракурс и вектор восприятия текста словесного: «... иллюстрация вместе с тем устанавливает для критика точку зрения, которую сам поэт указывает ему в рисунке к своему произведению» [Буслаев 1886: 106].

Исследователи, в той или иной мере интересовавшиеся иллюстрациями к гrottовскому роскошному изданию сочинений Г.Р. Державина, не обходились без цити-